

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакцией
И. Бунакова и Г. Федотова

9

П А Р И Ж
1934

С о д е р ж а н і е :

<i>От редакції.</i>	3
<i>Г. Федотов.</i> Наша демократія	11
<i>И. Бунаков.</i> Покоя не будет	26
<i>П. Бицилли.</i> Проблема свободы в наше время	47
<i>Н. Бердяев.</i> Исканія соціальной правды молодой Франціей	56
<i>А. Савельев.</i> Дѣло Рузвельта	65

И д е и ж и з н ь

<i>Г. Федотов.</i> Молодая Англія	79
<i>С. Жаба.</i> План труда	81

К н и г и

<i>Н. Лосскій.</i> Сетницкій. О конечном идеалѣ. — <i>Б. С. Изболдин.</i> Friedrich v. Gottl-Ottlilienfeld. Der Mythos der Planwirtschaft. — <i>Г. Ф. Федор Степун.</i> Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. — <i>Г. Ф. «Меч»</i> ..	89
---	----

От Редакціи

Еще одна зима, полная кошмаров, ушла, а катастрофа, нависшая над міром, еще не наступила. Кажется даже, что сгущившіяся тучи войны нѣсколько разсѣялись. Войну предсказывают уже не через мѣсяцы, а через годы. Во всяком случаѣ, Европа получила отсрочку своего приговора, и от нея самой зависит, как она ею воспользуется для своего возможнаго спасенія.

Что же собственно произошло за эту зиму? Произошло то, что анти-версальская коалиція держав, готовившая войну для передѣлки карты Европы, распалась. И развалил ее не кто иной как Гитлер, сумѣвшій сразу оттолкнуть от Германіи двух сильнѣйших союзников: С.С.С.Р. своей беспощадной борьбой с коммунизмом и Италію своим натиском на Австрію, угрожающим в Тироль непосредственно интересам Италіи и косвенно ея вліянію в восточной Европѣ. В этом пока единственные положительные плоды новаго германскаго режима. Вѣроятно, сам Гитлер тут не при чем. Но при том массовом безуміи, каким является націонализм в его современной расистской формѣ, нація, заболѣвшая им, становится опасной для всѣх сосѣдей. Все искусство политиков — вождей больной страны — может лишь в малой мѣрѣ смягчить послѣдствія этого добровольнаго изгойства. (Перестраховка с Польшей).

Парадоксальным образом горячка милитаризма, охватившая Германію, устранила непосредственную угрозу войны. Устранила, но не уничтожила. В мірѣ существуют два фокуса латентной войны, двѣ націи, которыя грезят войной и возлагают на нее свои упованія. Если Германія, в сознаніи своей технической слабости, прикрывает военную подготовку миролюбивыми рѣчами, то Японія словно нарочно создает шум вокруг своей экспансіи. Подобно Германіи, она множит число своих врагов, — повидимому, нерасчетливо и бесполезно — сразу вооружая против себя С.С.С.Р. и Соединенные Штаты. Уже теперь намѣчавшійся русско-японскій конфликт заслонен дру-

гим, болѣе грандіозным по своим міровым отголоскам: японо-американским.

Ослабленіе Лиги Націй и крушеніе конференцій о разоруженіи кладет конецъ эпохѣ бріандизма. Его внутренняя порочность была ясна для всѣх. Он покоился на двусмысленном сочетаніи подлиннаго, хотя и недорого стояющаго миролюбія с защитой своего достоянія: *beati possidentes*. Мы не склонны подозрѣвать в цинизмѣ то, что было лишь человѣческой слабостью. Признаемся, что предпочитаем великодушную слабость уходящей эпохи подлинному цинизму бандитов сегодняшняго дня, для которых національный интерес или мощь не нуждаются ни в какомъ высшемъ оправданіи.

Пока воля бандитов скована внѣшней *force majeure*, не все еще потеряно. Правда, Европа вступает в полосу новой погоны вооруженій, подобной началу столѣтія, и мы слишком хорошо знаем цѣну «вооруженнаго мира». Однако, поколѣніе, пережившее такую войну, нелегко мобилизовать снова. Носителями военной заразы являются преимущественно тѣ молодые, кто еще не пробовал удушливыхъ газов. Не исключена возможность и внутренней эволюціи или краха несущихъ войну держав. Эволюція итальянскаго фашизма можетъ дать нѣкоторое удовлетвореніе для оптимистов. Ни одинъ идеальный принципъ попрежнему не сдерживаетъ идеологіи безграничнаго національнаго эгоизма, которымъ живетъ итальянскій народъ. Но здравый смыслъ вождя обезвреживаетъ до нѣкоторой степени тотъ яд, которымъ он отравилъ душу Италіи. Уже можно говорить об Италіи Муссолини, какъ о факторѣ европейскаго равновѣсія или даже мира. Пока ничто еще не общаетъ такой же эволюціи гитлеризма. Но она все-таки возможна. Наконецъ, Японія сдерживается не только воздушнымъ флотомъ С.С.С.Р., но и слабостью своего собственнаго соціальнаго тыла. Ея классовые антагонизмы, нищета трудящихся массъ таковы, что подрываютъ вѣру в устойчивость этого новаго гегемона Азіи. В одинъ прекрасный день революція можетъ снести ее с такой же легкостью, какъ и ея соперницу, имперію Россійскую.

Все это, конечно, не фундаментъ для строителей новаго міра, но лишь передышка, которой они должны воспользоваться. Состязаніе на короткую дистанцію добрыхъ и злыхъ силъ за «ку-

бок» жизни европейской культуры — продолжается. С перевсом на чьей сторонѣ?

За эти мѣсяцы демократія, все еще «спящая» (см. № 7 «Новаго Града»), получила ряд новых ударов и предостережений. Она погибла в Австріи, она тяжело ранена в Испаніи, во Франціи она вдруг увидѣла под ногами разверзшуюся пропасть.¹⁾ Испанская ситуація слишком напоминает — пока — классическую схему XIX вѣка с непремѣнным реакціонным исходом классовых противорѣчій, раздирающих революцію, чтобы общать какіе-либо уроки для будущаго. Очевидно, иберійскій мір (включая латинскую Америку) духовно живет наслѣдіем прошлаго: это арьергард Европы, повторяющей бывле бои когда-то мятежной водительницы — Франціи.

Австрійская обстановка, естественно, напоминает ближе всего Германію — с тѣми смягченіями, какія вносит гуманистическій дух старой Вѣны, національная антипатія к гитлеризму и католичество. Как и в Германіи, отстающая демократія нашла своих единственных защитников в лагерь социалистов. Но это обстоятельство явилось и ближайшей причиной ея гибели.

Мы не можем отказать в уваженіи рабочим бойцам Вѣны, павшим с оружіем для защиты свободы. Своей гибелью — предопредѣленность которой, вѣроятно, сознавали сами вожди — они до извѣстной степени смыли позор II Интернаціонала, столь безславно сдавашагося врагу в Германіи. Их бесполезный подвиг может быть сравнен с обреченной же борьбой бѣлой Россіи, которая, будучи не в силах остановить лавину исторіи, спасала по крайней мѣрѣ честь родины. Но, как в Россіи, так и в Австріи, сама идеологія ронсевальских героев заключала в себѣ источник пораженія. Социалдемократія Австріи, безсильная перестроить общество, стремилась внутри его использовать свою относительную силу в интересах пролетаріата. Это общій порок всего II Интернаціонала. Лишь по Марксу, по схоластической доктринѣ, классовый интерес пролетаріата совпадает с интересами всѣх угнетенных и всего человечества. В дѣйствительности, в Австріи, как и в других мѣстах, относительное рабочее благополучіе покупалось за счет крестьянства и интел-

---

¹⁾ Уже во время печатанія статьи телеграф принес извѣстіе об анти-парламентских переворотах в Латвіи и Болгаріи. Кто слѣдующій?

лигенції, еще болѣе обездоленных, и вызвало к жизни давно знакомый фашистскій блок. В итогѣ — диктатура геймера и официальное построение корпоративнаго государства на развалинах парламентской демократіи.

Мы не имѣем данных для оцѣнки корпоративнаго государства Дольфуса. В его отвлеченных принципах мы готовы узнать отраженіе наших идеалов. Новый строй может развиваться в направленіи социальной демократіи. Но может оказаться и ширмой для социальной реакціи. Рожденіе его из контр-революціи не является благоприятным симптомом. Легкое наименованіе «христианским» государственнаго строя, возникшаго на крови и на гибели политической свободы, производит особенно тяжелое впечатлѣніе. Будущее покажет, какое мѣсто в уже многочисленной семьѣ фашистских народов займет Австрія, если — или пока — ей суждено независимое от Германіи существованіе.

Франція, вмѣстѣ с Англійей, оставались до сего дня послѣдней цитаделью парламентарной демократіи. Въ февралѣ парламентаризм во Франціи получил тяжкій удар. Правительство, опиравшееся на нормальное большинство Палаты, должно было уйти под давленіем мятежной парижской улицы. Коалиціонное министерство, управляющее Франціей, возникло не по почину парламента, который лишь терпит его, как единственную гарантію своего собственнаго существованія. Февральскіе дни вскрыли в парижском населеніи такую ненависть к депутатам — носителям національнаго суверенитета, — которая в сущности исключает возможность представительной демократіи. Правда, Париж не вся Франція. Провинція внесла свои коррективы в настроеніе Парижа и отвела намѣченный правыми государственный переворот. Но, несомнѣнно, что анти-парламентарныя настроенія развиваются широко и в провинціи. Они питаются двумя постоянными фактами французскаго политическаго строя: неустойчивостью парламентских кабинетов и коррупціей. Послѣдняя, впрочем, характеризует не столько политическій, сколько социальный и духовный кризис Франціи. Она разѣдает не одну политическую среду: суд, полиція и пресса дали свою долю поживы для любителей сенсацій. За всѣми частными скандалами всѣх уличенных и еще скрывающихся Стависских лежит глубокая деморализація французской жизни под

влиянием спекулятивного финансового капитала. Процент, обособившийся от всякой дѣловой и организаціонной функціи капитала, — процент, как самоцѣль для безчисленных рантье, не ломающих себѣ голову над использованием помѣщенных ими сбереженій, — и неограниченная жажда наживы финансовых хищников создает обстановку, гдѣ отличить честнаго банкира от Стависскаго до Устрика становится чрезвычайно трудно. Капитал утратил всякое подобіе респектабельности, сохранив почти безграничное влияние во всѣх сферах публичной жизни. Как же не быть гніенію?

К сожалѣнію, пресса сумѣла заслонить этот основной факт политической и уголовной сенсаціей. Мало кто во Франціи глядит за поверхность явленій. Для одних дѣло Стависскаго сводится к скандалу лѣваго картеля (как пикантна демонстрація парижской биржи, привѣтствующей паденіе Даладье!); другіе не идут дальше раскрытія фашистскаго заговора против республики. Политическая ярость выведеннаго из равновѣсія обывателя обратно пропорціональна его соціальному радикализму. вмѣсто глубоких реформ он удовлетворился бы — фигурально или въ натурѣ — головой противника. Во всем лѣвом секторѣ парламентской Франціи лишь нѣсколько человекъ, идущих за Маркэ и Бержери (нео-соціалисты и «младорадикалы») ощущают соціальную основу потрясеній. Остальные ищут спокойствія и равновѣсія. Для правых правительство старцев, коалиціонность котораго исключает возможность подлиннаго творчества, кажется достаточным прикрытіем от бури.

Иное мы видим во внѣпарламентских группах и теченіях. Тут соціальныя темы почти всегда доминируют. Приглядываясь к так называемым «фашистским» организаціям (комбатантов, налогоплательщиков, Огненнаго Креста) мы видим ясно выраженные требованія регулированія хозяйственной жизни, борьбы с экономическим кризисом, с финансовым капиталом. Нечего говорить, что идеалистическія группировки молодежи (*Esprit*, *Ordre Nouveau*, *Troisième Force* и др.) всѣ выдвигают соціальную и духовную проблему впереди политической. К сожалѣнію, на улицѣ политика доминирует, и именниками оказываются неизбѣжно коммунисты и *Action Française*.

Однако это броженіе соціальной мысли и нравственнаго

чувства показывает, что Франція еще жива. Сейчас можно лишь гадать о том, какое развитие получат духовныя силы пробужденнаго народа, если раковая опухоль капитализма, разъѣдающая его, будет так или иначе удалена. Утѣшительно, что при всей ненависти к режиму, раскрывшейся столь внезапно, нигдѣ не чувствуется ненависти к свободѣ. Очевидно, центрально-европейскій фашизм имѣет мало шансов во Франціи. Но поставленная перед нею проблема — социальной и политической реформы — сохраняет всю свою грозную остроту. Пока еще не видно и намеков на ея практическое рѣшеніе.

*
**

Россія снова волнует нас загадочными измѣненіями своего еле зримаго от нас лица. Перевернулась новая страница кровавой диктатуры. XVII съѣзд коммунистической партіи прошел под знаком здраваго смысла, борьбы с лѣвацким загибом, с головоотяпством низового аппарата. Диктатор свалил на своих подручных вину за фактическій провал пятилѣтки, за подрыв народных сил, за голод и разореніе прошлаго года. Нѣкоторый отказ от доктринерскаго коммунизма замѣтен в деревнѣ: колхозы вмѣсто коммун, частичное возстановленіе личнаго хозяйства, вольнаго рынка. Этого было достаточно, чтобы спасти страну от голода и вернуть ей (как в башкирской сказкѣ об овцах в избѣ мужика) ощущение матеріальнаго благополучія. В зарубезьѣ эта перемѣна отразилась преувеличенными ожиданиями в нѣкоторых кругах. Уже провозглашена кое-кѣм націонализація сталинизма, уже кое-кто начинает укладывать чемоданы для возвращенія на родину. Здѣсь вполнѣ умѣстно примѣнить к себѣ сталинскій совѣтъ — беречься «головокруженія». Сохраним трезвость. Мы не знаем, что принесет завтрашній день, но день вчерашній предупреждает нас. Не одна весна в большевистской Россіи была убита морозом коммунистической реакціи. Нэп Ленина был во-истину передышкой для палачей. Сталин раз уже дал передышку для раскулаченнаго черезчур быстро крестьянства. Послѣ голода прошлаго года новая пріостановка вполнѣ естественна. Она легко может сойти на нѣтъ при первом благоприятном измѣненіи в хозяйственной конъюнк-

ктурѣ. Однако есть в этой сталинской веснѣ и кое-что новое. Во-первых, она совпала с крутым поворотом во внѣшней политикѣ. С.С.С.Р. возвращается в систему западных держав, и именно в версальскій (консервативно-демократическій) лагерь, порывая традиционный союз с Германией. Опасность с Востока напугает всѣ силы страны, заставляя власть дѣлать широкія уступки для населенія дальне-восточной окраины и свертывать красное знамя в Европѣ. В войнѣ с Японіей міровой пролетаріат не придет на помощь Россіи, но вполнѣ реальна помощь Соединенных Штатов и, может быть, Франціи.

Но, если для этого сближенія с капиталистическим міром можно искать аналогій из эпохи Генуи и Рапалло, то совершенно не имѣет прецедента частичное свертываніе марксизма внутри страны. Поход против марксистскаго обществовѣдѣнія в школѣ, возстановленіе исторіи, возвращеніе в университет ряда «буржуазных» историков свидѣтельствует о разочарованіи в самых методах (или основах?) марксистскаго воспитанія. Может-быть, и это только проблеск здраваго смысла у неизлечимаго маніака, но, может-быть, и первый шаг к выздоровленію. Судить рано. Если же это поворот серьезный, то позволительно задать себѣ вопрос, что он сулит Россіи, каковы новые этапы ея жестокаго пути.

Замѣчательно, что послѣдняя весна в Россіи нисколько не отразилась на режимѣ всеобщаго государственнаго рабства. Скорѣе наоборот, она усиливает режیم личной деспотіи. Никогда еще партійная оппозиція (единственная форма политической оппозиціи в Россіи) не была так задушена, как сейчас. Никогда печать не доходила до такого пресмыкательства перед диктатором. В Россіи в этом году не ѣдят людей, но их по-прежнему убивают, а главное, обращают в рабство. Трудом рабов и крѣпостных строятся гиганты заводов, проводятся каналы, колонизуется дикій сѣвер. Самоновѣйшая тенденція в этой области выражается скорѣе в отказѣ от дорогой и неподходящей для Россіи американской техники в пользу дешеваго и безответнаго рабскаго труда. Россія эволюционирует замѣтно — но в сторону не свободы, а древне-азиатскаго (если угодно, московскаго) крѣпостнаго царства. Отказ от революціонных міровых задач позволяет говорить о фашизаціи большевизма.

Возможно, что сталинизм и есть русская форма фашизма, и что другого фашизма в Россіи не будет. Неблагополучно только с идеологіей. Марксизм непригоден для національнаго обихода, и, хотя сталинскіе философы давно толкуют его на свой лад, тѣм не менѣе разрыв между идеей и дѣйствительностью очень глубок. Лишь безыдейность современной молодежи, надорвавшейся на пятилѣткѣ, позволяет пока закрывать глаза на этот разрыв. Будущее покажет, понадобится ли новый идейный кризис, чтобы смѣнить диктатора и его негодный аппарат, или же вывѣтриваніе марксизма пойдет и дальше в порядкѣ дифференціалов. Одно мы знаем твердо. Сегодняшній облик Россіи нам столь же ненавистен, как и вчерашній. Борьба со сталинским фашизмом является для нас таким же священным долгом, каким была борьба с пережитками ленинскаго коммунизма — на путях к подлинному просвѣтленію лица Россіи.